

Глухая Зоя

Урликова Наталия

Наталия Урликова

Глухая Зоя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69743809

SelfPub; 2023

Аннотация

Осень – время сумрачное, когда из глубин подсознания поднимается всякая хтонь. Не видно солнца, только лишь эмоциональные качели раскачиваются до амплитуды "солнышко": вверх-вниз, и так круг за кругом. Зато в это время хорошо сочиняется. Возможно, все, что происходит со мной, и нужно только для того, чтобы перевариться в отрывки фраз. Одни фразы тянут за собой другие, и пока не запишешь их, они так и будут из тебя торчать острым восклицательным знаком, или волочиться шелестящим шлейфом, или выливаться черным густым потоком на случайных и ни в чем неповинных окружающих. В утренней маршрутке родилась идея мрачного рассказа в жанре "хроники безумия", но это если на первый взгляд, а если пристальнее посмотреть, то все описанное – это лишь большая самоирония. Ничто так не спасает от депрессии, как умение посмеяться над иллюзией своей грандиозности.

Наталья Урликова

Глухая Зоя

Беруши запоминали сны, поэтому каждое утро Зоя забрасывала старую пару под кровать, а на ночь доставала новую. Когда-то они охотно прыгивали на пол сами, а если не успевали убежать, то путались в складках простыни, под подушками, даже в подмышках у Деда. Он ворчал, конечно, что вся постель в этих хреновинах, и зачем Зоя вообще покупает их? Нормальные люди, как он, спят здоровым крепким сном без всяких приблуд.

– Потому что ты так храпишь, Старый, что стены сотрясаются, – Зоя сердито пинала его в бок пяткой и отворачивалась к стенке.

Не всякие беруши выдерживали испытание дедовым храпом, поэтому она перепробовала много разных видов, пока не нашла самые удачные. Это были мягкие поролоновые малютки, которые надо было плотно скрученной трубочкой вставить в уши, а там они распрямлялись и полностью закрывали собой слуховой проход. Предназначались они для рабочих на производстве, где стоял сильный грохот. С Зоей этим чудным изобретением поделилась одна знакомая, у которой сын работал на заводе – им такие беруши выдавали каждую смену. Зое так понравилась первая пара, что когда поролон стал выглядеть несвежим и слегка порвался, Зоя попросила

знакомую добыть ей еще, хоть бы и за деньги. Сторговались, и сын знакомой за недорого продал целую стыбренную коробку. В коробке лежала целая россыпь новеньких беруш, и каждая пара была упакована в отдельный пакетик. А еще каждая пара имела специальную веревочку: с ее помощью беруши из правого и левого уха соединялись между собой и не терялись, прямо как детские варежки на резинке. Зоя нарадоваться не могла. Наконец-то она не слышала дедова храпа. И вообще ничего не слышала, кроме звуков в своих снах.

Сны Зое снились удивительные. Однажды ей приснилось, что она заглядывает себе в нос через зеркало, а в носу у нее растут волосы, да такой густоты и толщины, словно поле ржи колосится. И вот она уже сама гуляет по этому полю, а это и не поле вовсе, а лес, и ей слышно, как шумят от ее ветренного дыхания волосы-деревья.

А в другой раз за Зоей долго гнался черный человек, она сильно боялась, а потом он все-таки догнал и оказался нестрашный. Черный человек торопливо объяснил, что он частный детектив, нанятый ее далеким предком из Германии. Да, у Зои в Германии обнаружился двоюродный дедушка, да не простой бюргер, а настоящий колбасный магнат. И Зоя оказалась его единственной наследницей. Вскоре Зоя уже гуляла по цехам, где висели колбасы и колбасочки, сосиски, сардельки и шпикачки, и ей предстояло стать полноправной хозяйкой этого аппетитного царства. Запах сто-

ял такой умопомрачительный, что Зоя захотела немедленно съесть самую сочную сосиску. Она проснулась от матерного вопля, и обнаружила, что рот ее открыт и оттуда натекла лужа слюны, а дед дует на свой укушенный палец.

Когда Дед умер, и Зоя впервые легла спать одна, она подумала: «Теперь можно без беруш»

Но сон не шел, было все равно очень шумно: гулко стучало сердце, в трубах подвывал ветер, подозрительно поскрипывал пол. Да и под тонкие бумажные веки, опухшие от слез, проникали тревожным светом мутные тени-пятна. Зоя поворочалась сколько-то, а потом встала, тяжело прошлепала до коробки с берушами и достала новую пару. Легла на живот, уткнувшись лицом в подушку, чтобы слезы не лизали щеки ядовитыми змейками, а сразу впитывались в наволочку. И вскоре провалилась в тяжелый сон без сновидений.

Дальше пошли дни без счета, и ночи тоже, и Зоя все загадывала, чтобы приснился Дед, но он не снился. Снились странности: вот она танцует дикие танцы, или платье примеряет такое, какое в жизни бы не надела, а однажды она брела долго по какому-то темному коридору и искала дверь, а двери все не было.

Потом вовсе пошли обрывки какие-то, не цельные сны, а так, лоскутки: то рука чья-то мелькнет, то вспышка, то прозвенит что-то вдали.

Вскоре Зоя стала и эти фрагменты забывать по пробуждении, из-за чего сильно сокрушалась, а потом как озарение

нашло – она-то свои сны не помнит, зато беруши помнят все. Каждую ночь беруши заходили к ней в голову, проживали сон вместе с ней запоминали его. Даже когда Зоя умрет и все ее забудут, беруши не забудут ее снов. Они сохраняют в себе кусочки Зои, запертые в сновидениях. Как только Зоя это поняла, то стала относиться к берушам гораздо бережнее. По утрам она теперь складывала две берушины вместе и обматывала их не только прикрепленной к ним веревочкой, но и для надежности своей волосиной, а сверху приматывала бумажку, на которой писала дату, когда приснился сон. Но точных дат она не знала, потому что не отрывала листы календаря со дня смерти Деда. Поэтому писала те даты, что подсказывала память: день рождения мамы, Новый год, день свадьбы. Но цифры быстро кончились, и тогда она стала указывать на бумажке то, что снилось и хоть чуть-чуть запомнилось: глаз, колодец, жучок. Потом и это стало сложно, буквы не слушались и убегали из памяти, и она перешла на рисунки: елочка, круг, птичка, три палочки.

Беруши с бумажками она сначала просто кидала под кровать, а потом завела для них обувную коробку и плотно закрывала ее, чтобы они не сбежали.

Спала она все также на животе, только теперь слез не было, но была желчь где-то в груди и в желудке. Ночью желчь стекала через рот вниз чернотой, пропитывая подушку, белье и матрац. От этой черноты под Зоей росло пятно, но ей было все равно, лишь бы не носить желчь в себе.

Как-то раз днем Зоя что-то ела из банки руками и вдруг поняла, что после сна не вынула беруши из ушей. Банка выпала из рук и разбилась, но Зоя вздрогнула скорее по памяти, чем от настоящего испуга. Благодаря берушам звон разбитого стекла был приглушенный и почти безболезненный. Зое это понравилось. Зоя подумала, что беруши можно не вынимать совсем.

С этой новой мыслью и старыми берушами она легла спать, но откуда-то раздался резкий и противный звук, и все не прекращался. Зоя встала и побрела на звук, и увидела телефон. Она тупо смотрела на него, раздумывая, что лучше сделать, чтобы звук прекратился: снять трубку или вырвать провод из розетки. А телефон все звонил, и тогда Зоя все-таки выковыряла одну берушину и осторожно поднесла трубку к уху.

– Алло, Зойка, алло! Ты живая? Зоя! Ты чего не отвечаешь? Зоя, алло! Это Нинка! Не узнала, что ли?

Звук чужого голоса был еще ужаснее, чем звонок телефона, и Зоя не смогла этому голосу ничего ответить, только в горле булькнуло что-то и она бросила трубку, а потом вырвала провод.

Все-таки обычные беруши пропускают слишком много шумов, требовалось звукоизоляцию укрепить. Зоя затолкала их мизинцами как можно глубже внутрь ушей, а для надежности, чтобы не вылезли ночью, в ушные раковины положила ваты из матраца. Ушам внутри было больно, голову будто

распирало, но Зоя сдаваться не собиралась. Она хотела слышать только тишину внутри себя.

Пока Зоя спала, шершавая вата из ушей сбежала, надеяться на нее было нельзя. Тогда Зоя нашла в кладовке старые желтые свечи и подожгла их. Со свечек капал мягкий горячий воск, Зоя скатывала его пальцами и на ощупь замазывала им ушные дырочки, пока дырочек не стало совсем, только гладкие стенки с одной стороны головы и с другой.

И тогда наконец тишина внутри Зоя стала такая оглушительная, что в ней стали различаться голоса. Вот что-то поют дети, мотив знакомый, но не разобрать слов. Вот птица кричит, взлетая с ветки, что за птица? Забыла название. Вот смеется она сама, Зоя, молодым, колоколисто-звонким смехом.

Сны прекратились, или не прекращались вовсе, и не было у них ни начала, ни конца, ни сюжета, ни формы, только мелькало что-то, как на карусели, цвета какие-то, пятна, звуки.

Так много времени прошло, или мало, Зоя не вставала с кровати, или вставала. Пока однажды вдруг не промелькнуло что-то такое, от чего сжалось сердце: не фигура даже, не тень, а лишь рябь в воздухе, но в ряби этой уловилось что-то знакомое, и Зоя стала ждать, пока рябь проступит четче. Так и вышло, с каждым сном рябь материализовалась все заметнее: сначала в силуэт, а потом в силуэте стали различимы родные черты, но не все сразу, а по частям. Сперва

правая рука с заплаткой на локте рубахи привычно взметнулась, чтоб потереть бугристый нос. Желтая с трещинами пятка стукнула по полу глухо. Потом седая лохматая голова повернулась на бок, к окну, но полностью лица еще не было видно. Зоя не торопила, но сосредоточенно ждала, не открывая глаз. Потом голова медленно повернулась и губы зашевелились.

– Дед, Дед! – закричала Зоя. Но губы Деда шевелились беззвучно.

– Я не слышу, Дед! Громче скажи!

Дед вытаращил глаза и задвигал сердито кустистыми бровями, и губы вытягивал изо всех сил, но Зоя все также ничего не слышала. Тогда он гневно вскочил и исчез куда-то. Зоя проснулась и заплакала.

Долго бродила она по дому, потерянная, шепча и плача: «Чего ты хотел сказать, Дед? Просил чего-то? Я не поняла...» Подобрала мягкое с пола, пожевала, но оно вышло обратно. Заплаканная Зоя снова легла и крепко зажмурилась.

Дед долго не приходил, а потом появился, но не в комнате, а за окном. Он барабанил пальцами по стеклу и все также двигал губами, но Зоя ничего не могла разобрать. Она стояла на коленях перед окном, прижимаясь к нему лбом, изо всех сил всматриваясь в движения рта Деда, но ничего не понимала. Дед снова в сердцах исчез.

Зоя рухнула обратно на кровать, и рыдала, и мотала головой, пока, обессилев, не заснула вновь. И когда Дед наконец

пришел, то схватил ее за плечи, и перевернул с живота на спину, и стал кричать ей в лицо, но Зоя была все также глуха. Тогда он наклонился к уху и стал кричать туда, и тыкать в него бесплотными пальцами, и Зоя наконец догадалась. Она вскочила и стала яростно выцарапывать воск из ушей.

Он прилип уже почти намертво, но она скребла когтями, спицами, спичками. Куски воска отрывались с кожей и волосками, Зоя рычала, но не останавливалась, пока не добралась до беруш, поросших уже мхом ушной серы. Она вырвала их из себя со страшной болью и бросила оземь, и повернулась наконец к призраку, все это время молча наблюдавшему за ней. Она встретилась с его светящимися синими глазами, и крикнула что есть мочи:

– Говори!!! Я слушаю!!!

Дед глубоко вздохнул, и его дыхание разлилось в воздухе серебристой струйкой.

– Ну и дура ты, Зоя. Окно открой, говорю. Весна пришла. Соловьи поют.